

**Поэзия П. И. Заякина-Уральского:
к вопросу о существовании модернизма на Урале***

Литературная жизнь Урала второй половины 1900-х и 1910-х гг., когда в столичной культуре доминирует искусство модернизма, характеризуется развитием газетно-журнального дела, а отнюдь не расцветом поэзии и поиском новых форм для осмысления стремительно движущейся действительности. Согласно «Хронике литературной жизни Урала», «Екатеринбургская неделя» — первая городская газета — вышла в 1879 г., но уже к 1896 г. стала убыточной и была заменена ежедневной газетой «Урал». Интерес к газетно-журнальному делу возрастает к середине 1900-х — началу 1910-х гг.: в это время выходят первые номера «Екатеринбургской газеты» (1906), «Уральского края» (1906), «Уральского рабочего» (1907), «Голоса Урала» (1912) и других изданий. И. Е. Васильев, характеризуя поэтическую ситуацию рубежа 1910–1920-х гг., отмечает: «Уральская поэзия... существовала в основном на страницах периодических изданий. Поэтические книги и сборники почти не издавались. Крупных творческих индивидуальностей не было. Стихотворная продукция создавалась любителями и носила массовый самодеятельный характер» [3, с. 358].

Примечательно, что наряду с самодеятельной региональной поэзией в газетах нередко перепечатывались материалы столичной прессы, в том числе произведения авторов-модернистов. Так, почти мгновенную реакцию вызывало футуристическое искусство как наиболее радикальное на тот момент: в региональных газетах выходили публикации, в основном обличительного, иронического характера, обращенные как к самим «будетлянам», так и к их возможным последователям. Среди таких откликов — фельетоны В. Чекина, пародии В. Вегенова и др. Лишь в 1917 г., когда футуристы выступили в Екатеринбурге, параллельно с сатирическими фельетонами, продолжающими обличать поэтов, в газете «Уральская жизнь» выходит ряд альтернативных статей уральского журналиста С. Виноградова, где говорится о признании их творчества искусством.

---

* Работа выполнена под руководством д-ра филол. наук, проф. кафедры русской литературы УрФУ Е. К. Созиной.

© Меньщикова А. М., 2012

В это же время в «Зауральском крае» публикуется лекция П. Когана, вышедшая в столичной прессе, — «От мечты к действительности в русской литературе», где футуризм рассматривается как полноценное поэтическое течение [6, с. 230].

Таким образом, новое искусство, если ориентироваться на уральскую прессу, вплоть до конца второго десятилетия воспринималось как нечто инородное, неправильное, абсурдное, в лучшем случае, вызывающее неоднозначную реакцию. Именно поэтому упоминание в литературной хронике за 1909 г. о публикации книги стихов П. И. Заякина-Уральского «Облачко», в которой можно обнаружить влияние модернизма, заслуживает особого внимания [4].

В источниках советского периода П. И. Заякин-Уральский характеризуется как исключительно «большевистский поэт», что не противоречит логике и характеру его творчества. В «Избранных стихотворениях» — сборнике, вышедшем в 1935 г., уже после смерти поэта, напечатана специфическая подборка стихов, написанных в разное время, вошедших в разные сборники, но содержащих один и тот же круг идей — борьба за свободу и вера в победу света над тьмой. Подкрепленные победой большевиков стихи, написанные еще до Первой мировой войны, звучали ровно, в одной тональности, утратив полутона и возможность иных интерпретаций. Многие стихи не вошли в «Избранное», затерявшись в малотиражных, единожды выпущенных сборниках.

В рукописи статьи¹, посвященной творчеству Заякина-Уральского, Н. В. Барковская говорит об однообразии его поэзии (в отличие от прозы) и, справедливо отмечая декларативность, обилие абстрактной лексики, традиционные силлабо-тонические размеры, используемые поэтом в стихах, заключает, что его поэтика далека от приемов, применяемых поэтами Серебряного века. Тем не менее ранние стихи, вошедшие в книгу «Облачко», но не включенные в «Избранное», содержат ряд черт, которые, являясь самодостаточными в разные культурные периоды, в сочетании друг с другом характерны для поэзии именно Серебряного века и мироощущения рубежа веков в целом.

1. Ощущение неустойчивости, шаткости, дисгармоничности земного мира, который характеризуется автором как «мятущийся», а в некоторых контекстах синонимичен «сумрачным безднам». Действительность воспринимается поэтом то в мажорных тонах, когда уверенность в будущем

---

¹ В окончательный вариант статьи [1] не была включена та часть текста, в которой Н. В. Барковская говорит о поэзии П. И. Заякина-Уральского.

не подлежит сомнению, то — чаще — в мрачных, упаднических, декадентских. Ср.: «Будет царство света! Сгинет царство тьмы!» и «Слились, враждую, в нем [мире] жизнь и тленье, / И созиданье, и разрушенье»; «Но есть вера, что придет весна свободы, / Будет жизнь и чище и светлей» и «Все поведаем, что знаем / о борьбе добра со злом, / И откроем, как страдаем / Мы на поприще земном. / И от них [звезд] узнаем сами / Все о светлой жизни их» [4, с. 6, 9, 12]. Последний из процитированных фрагментов созвучен строкам О. Мочаловой, которые В. Брюсов, по ее свидетельству, «запомнил... с одного прослушанья и после читал их другим, как образец декадентства: “Не верю, что земля кругла, / Она совсем остроугольна. / И, если бы звездой была, / Мне не было б так мутно-больно...”» [7, с. 13].

Обманчивая жизнь не позволяет сбыться мечтам лирического героя: в его трагическом мире все устремления обречены. Тема несбывшихся мечтаний, потухших устремлений нередко воспроизводится через мотив смерти/увядания: «Но, прекрасные мечты, / Мало сделать мне дано! / Жизнь — мороз, а вы — цветы, / Вам увянуть суждено»; «Золотой моей весны / Легкокрылые мечты, / Вы — обманчивые сны, / Вы — поблекшие цветы...» [4, с. 9].

Подобные чувства были свойственны лирическому герою романтизма. Серебряный век синтезировал культурное наследие предыдущих эпох, в том числе и романтической. Неприятие окружающей действительности побуждает героя выразить протест, вступить в борьбу, чтобы изменить мир.

2. Жизнь воспринимается поэтом как обман, игра. Поэт использует важнейший элемент образной системы Серебряного века — театральную маску как ширму и элемент обманчивой реальности: «Жизнь обманчива, как маска, / Быстротечна, как цветы, / Привлекательна, как сказка, / Прихотлива, как мечты...»; «Все в нем [нашем мире] покрыто какой-то тайной, / Все в нем бывает игрой случайной» [Там же, с. 8–9].

Образ маски, мотивы карнавала и маскарада встречаются в поэзии большинства модернистов, однако каждый автор вкладывал в них особую семантику. Строки Заякина-Уральского кажутся интонационно близки «Маскараду» М. Кузмина: «Сердца раны — лишь обманы, / Лишь на вечер те тюрбаны / И искусствен в гроте мох. // Пусть минутны краски радуг — / милый, хрупкий мир загадок, / Мне горит твоя дуга!» [5, с. 46].

3. Устремленность лирического героя к далеким, сказочным мирам, в которых, в отличие от неприемлемой земной действительности, царят равновесие и гармония: «С каждым днем нам жить скучнее / На тоскующей земле. / Улетим, мой друг, скорее / На воздушном корабле. / ...Насладимся

счастьем новым / И восторгом неземным. /...И, сроднившись с их [звезд] мирами, / Будем чужды зол земных» [4, с. 5–6]. Показателен романтический образ воздушного корабля, который переносит лирического героя в чудесный, райский мир небесных нив, звезд, золотых светил. Можно предположить, что образ восходит к славянскому языческому летучему кораблю, с помощью которого Китоврас похитил Зарю-Заряницу [9, с. 176]. Романтическое устремление к фантастическим, внеземным мирам ассоциативно сближает стихотворение Заякина-Уральского с известными стихотворениями поэтов Серебряного века, такими как, например, «Звезда Маир» Ф. Сологуба, «Долины сна» К. Бальмонта, «Жи́раф» Н. Гумилева и др. В приведенном выше «декадентском» стихотворении О. Мочаловой есть строфа: «Мне нежно дорог Млечный Путь, / Его туманные волокна, / Так хочется в него нырнуть, / Когда смотрю я ночью в окна».

4. Отношение к городскому пространству как к жестокому, губительному миру прогресса, который четко противопоставлен природному пространству, оказывающемуся единственно комфортным для человека. Например, в стихотворении «В городе» встречаются следующие строки: «Много светлых и радостных снов / Эта жизнь погребла. / Рвусь, как узник, из тяжких оков / В глушь родного угла, / Чтобы жить без тревог и страстей / В захолустной тиши, / Жить в кругу простодушных людей, / Дорогих для души» [4, с. 31–32]. Механизмы, станки — символы нового времени — приносят разрушение и гибель как природе, так и человеку. В стихотворении «На заводе» изображен страшный, инфернальный механизм, способный поглотить человека, превратить его в тень: «Корпус черный, запыленный, / Ярким газом освещенный, / Люди — тени. Пот с них льется. / Суматоха. Гул и грохот, / Точно злобный адский хохот, / Непрерывно раздается. / Молот грозно гроыхает, / Печь огромная пылает, / Дышит все огнем и паром. / Лязг железа. / Гул машины. / Льется пот и гнутся спины, / Достается хлеб не даром» [Там же, с. 34].

Тема антиурбанизма, оппозиции деревни и города возникла и была разработана в русской литературе еще в XVIII–XIX вв. и не является достижением собственно Серебряного века. Однако в совокупности с иными чертами, присущими модернистской поэзии, тема города как особого механистического, электризованного пространства, часто жестокого к человеку, становится элементом новой образной системы. В качестве примера показательны строки из стихотворения А. Блока «Фабрика»: «Я слышу все с моей вершины: / Он медным голосом зовет / Сгнуть измученные спины / Внизу собравшийся народ» [8, с. 73]. Кроме

того, для Заякина-Уральского тема производства, завода была актуальна и в силу происхождения, поскольку Урал, где он родился, — прежде всего горный, заводской край.

При частичном сходстве способа выражения, образной системы, мироощущения Заякина-Уральского с образами и интонациями столичной культуры отличительная особенность его поэзии состоит в том, что это не искусство ради искусства, но искусство, призванное воздействовать на угнетенный класс, облегчать словом тяготы жизни, о которых говорится в его стихах. Призывы поэта должны, по его убеждению, вдохновлять на борьбу с «царством тьмы»: «Не могу побороть / В пользу песни сомненье, / ...Я бы пел, если б знать, / Что я с песней унылой / Стану ближних сзывать / На борьбу с темной силой» [4, с. 14]. Примечательно, что тираж сборника «Северная муза», вышедшего практически одновременно с «Облачком» в 1908 г., был уничтожен за явный «подрыв всех устоев» и «оглашение в печати сведений, ведущих к ниспровержению установленного в государстве политического строя» [2, с. 169]. Такое понимание задач поэзии свойственно многим уральским поэтам, и в этом отношении Заякин-Уральский — типичный представитель литературы региона первого десятилетия XX в. Мир грез, к которому стремится его лирический герой, не столько порождение субъективного понимания идеала, воссозданного поэтом-теургом, сколько выражение надежд на свержение «царства тьмы», на торжество справедливости и установление равенства людей.

И. Е. Васильев, обозначая свойственные большинству местных авторов поэтические приемы, отмечает: «...в стихах отчетливо присутствуют элементы жанра *утопии* (часто скрещенные с элементами *инвективы*, митингового *воззвания*, лозунгового *призыва* и т. д.)» [3, с. 359].

Революционные интенции поэта, стремление к равенству и свободе воплощаются в творчестве Заякина-Уральского через приемы, разработанные еще в XIX в., однако активно воспринятые поэзией Серебряного века, для которой характерен синтез элементов различных художественных методов. Немногочисленность стихов, в которых обнаруживаются черты модернистского искусства, позволяет предположить, что столичные веяния оказали определенное влияние на Заякина-Уральского, однако были восприняты им не как самодостаточные, а лишь как дополнительные средства выражения социальных идей, характерных для предреволюционных лет.

-
1. Барковская Н. В. Образ завода в творчестве П. И. Заякина-Уральского // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 2. С. 274–282.
  2. Блюм А. По следам «Северной музыки» // Урал. 1962. № 6. С. 168–170.
  3. Васильев И. Е. Жанровое развитие литературы региона в советскую эпоху // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010. С. 358–381.
  4. Заякин-Уральский П. И. Облачко. СПб., 1909.
  5. Кузмин М. А. Стихотворения. М., 2005.
  6. Меньщикова А. М. Проблема восприятия футуризма на Урале (на материале региональной прессы) // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2008. Вып. 4. С. 226–232.
  7. Мочалова О. Голоса Серебряного века. М., 2004.
  8. Поэзия Серебряного века : стихотворения. М., 2004.
  9. Свято-русские веды. Книга Коляды. М., 2001.

О. Л. Наконечная

г. Екатеринбург

«Несказки» седого Урала

«Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора: учебное пособие по спецкурсу для студентов филологического факультета». Под этим названием в 1974 г. вышла в Уральском государственном университете им. А. М. Горького скромная книжечка профессора Веры Петровны Кругляшовой, ставшая уже библиографической редкостью, итог многолетней собирательской и исследовательской работы по изучению уральского рабочего фольклора, в особенности жанров «несказочных».

Отношение к жанрам несказочной прозы (преданиям, рассказам-воспоминаниям, легендам, быличкам) было довольно долгое время неоднозначным в международной и российской фольклористике, велись дискуссии о содержании терминов, жанровом своеобразии, функциях, методике собирания и изучения. В уральском фольклоре жанры несказочной прозы,